

Молодость Добрыни, жалоба на него князю Владимиру, оправдание Добрыни; Добрыня и Маринка

А во том же во городи во Цернигови
А ише жил-был Мекитушка — не старылсэ,
А не старылса Мекитушка, жил — представилсэ.
А оставалась у Микиты всё любима семья,
А любима где семья — осталась молода жона,
А по прозванью-ту Омельфа да Тимофеевна.
Оставалось у ей ише цядо милоё,
А ише милоё цядо у ей любимое,
А по прозваньицю Добрынюшка-свет Микитиц млад.
А ише от роду Добрыни только двенаццэт лет.
А да ходил он гулять да нонь на улицу,
А он на улицу ходил да на широкую,
На дорожецьку ходил всё да на проежжую.
А заходил он гулять на дворы на барские,
А на барские дворы да всё на князевьские,
А играл он с детьми да князенецькими,
А со тема же с рыбаками со барскими.
А играл он с им[а] да нонь во рюхи нонь —
А да избил где он их да всех измуцил нонь.
А ише та им игра нонь не понравилась.
А играл он с има во карты-шахматы —
А он ведь выиграл у их да платьё цветноё,
Платьё цветно у их да кнезеневскоё,
Кнезеневско ведь платьё — да всё ведь барьскоё.
А ише та им игра да всё не подравилась.
Они стали Добрыню всё журыть-бранить,
А обносить-то ведь рецьми ёго нехорошима,
И ише бить-то стали палками всё шаровыма.
А говорят они сами да таковы слова:
«А не оцьцёв ты как сын да нонь не материн —
А нет у тя оцьця да настоящего!»
А ише ёму шутка да не пондравилась:

А ухватил он дитей да князевских,
А он руки-ти у их из плечь повыхватил,
А тех же детей всё ведь барских,
А ноги-ти у их ведь он повыставил.
А ише собрал ведь, взял да платье цветное,
Платье цветное собрал да князевское,
Князевско тут платьице тут барское.
А да приходил-де Добрыня да к своему двору,
А заходил где Добрыня во теплу спалёнку —
А бросил как тут платье цветное
А на ту же на кроваточку на тисовую,
А на ту на перинушку на пуховую.
А сам пошел где-ка Добрыня да во светлу гриню,
А где сидит где как родна его матушка —
А ише та где Омельфа да Тимофеевна.
А тут же Омельфа да Тимофеевна
А становила она стол ёму кленовой же,
А наносила она пици да всё мёдовое,
А принесла где ему да хлеба-соли тут,
А говорила где сама ему таковы слова:
«А да поешь-ко, Добрыня, да сядь, покушай-ко!»
А пошла где сама она в теплу спалёнку
А ише с<т>ать где Добрыни да тёпло местицько —
А да увидяла Омельфа тут платье цветное,
Платье цветное увидяла кнезевское,
Кнезевское платье да всё тут барского.
А приудрогло у Омельфы да ретиво серьце,
А приусмякло у Омельфы да лице белоё,
А подломились у Омельфы да ноги резвые,
А опустились у Омельфы да руки белые,
А покатились у Омельфы да горюци слёзы.
А выходила где Омельфа да во светлу гриню,
Говорила где она сама таковы слова:
«А уж ты ой еси, моё дитя серьдесньё!
А ты куда нонь ходил гулять на улицу?
А где ты ведь взял да платье цветное,
Платье цветное взял да князевское,
Кнезевское платье да всё ведь барское?
А убил ле ты кого али ограбил тут?»

А говорил тут Добрынюшка свет Микитиць млад:

«А ой еси, родима моя маменька!

А стыдишь ты меня да нонь бесцестишь тут:

А состила ты миня за вора, за розбойника,

А за носьного меня ты полуносьника!»

А пошел где Добрыня да в теплу спалёнку,

А спал-де Добрынюшка ноньце крепким сном.

А ише те же как дети да нонь ведь барские,

А барьские дети да князевские,

А приходят ведь они по своим домам,

А по своим где домам они, по своим оцьцям;

А говорят тут они ноньце да своим оцьцям:

«А приходил к нам Добрынюша Микитич млад,

А да играл он ведь с нами не по-робецьёму,

А играл он ведь с нами по-богатырьскому:

Да какого хватит за руку — руку выставит,

А какого хватит за ногу — ногу выставит,

А посередки возьмёт — нас живота лишит.

А отобрал он у нас он платье цветное,

Платье цветно у нас всё князевскоё —

Ише та нам ведь шутка да не понравилась!»

А ише тут где-ка нонь да князя-бояра

А пошли где ко городу ко Киеву —

А к тому же ко князю да ко Владимиру.

А говорят они сами да таковы слова:

«А послушай-ко, Владимёр да стольнё-киевской!

А прыми-тко от нас да ноньце жалобу:

А живём мы во городи в Цернигови;

А во том-де во городи во Цернигови,

А тут есь-де вдова благоцестивая —

А та же Омельфа да Тимофеёвна.

А есь-де у ей да цядо милоё,

А ходит гулять да нонь на улицу,

А заходит на дворы наши на барские,

А играт-то с ребятами со малыма,

А шутит где шутоцьки не малые:

А шше руки-ти у их да он повыдергал,

А шше ноги-ти у их да он повывставил,

А посередки возьмёт — да живота лишит.

А та ёго шутка нам не надобно:
А прыкажи ты, Владимир, да ёго выслать вон!
А не выйдёт где он, дак мы сами выйдём тут.
А ише та нам ведь шутка да нонь не надобно!»
А говорил тут Владимир да стольне-киевской:
«А послушайте-ко, князи, вы ведь бояра!
А подите-тко вы да по своим домам,
По своим где домам, тут по своим местам:
А на завтреё Добрынюшку сам повызову,
А у Добрынюшки, Владимир-князь, всё повыспрошу!»
А по утру как нонь было всё по ранному,
А по восхожу-ту было-ту солнышку красному
А ставал тут Владимир да стольне-киевской.
А омывалса Владимир да ключевой водой,
А тонким шитым полотеньцём да утираицьсе,
А сам говорил он да таковы слова:
«А уж ты ой еси, гонець, да доброй молодець!
Одевайсе-ко-се-ко ты по-подорожному,
А садись как ты да на добра коня,
А поежжай-ко ко городу ко Цернигову —
А к той-де вдовы благоцестивое,
А к Омельфы как тут да Тимофеёвны!
А не доежживай, гонець, — да нонь с коня скоци,
А не дохаживай до ее — да ей целом ударь,
А говори-тко-се с ей да потихохонько,
А спрашивай у её да поумалёхонько,
А скажи: князь тебя просил да скоре требовал
А с тем с Добрынюшкой с Микитицём».
А на это гонець-от не ослушалсэ:
А седлал где, уздал да коня доброго,
А да садилсэ тут нонь да на добра коня,
А поехал ко городу ко Цернигову —
А к той же к Омельфы да Тимофеёвны.
А та где вдова благоцестива тут,
А та же Омельфа да Тимофеёвна
А скрывала окошецька немножецько —
Увидала где гоньця тут доброго молоцьця.
А выходила-де она да на красно крыльцо,
А ише кланялась ему низко до пояса:

«А-й добро жаловать, гонець, ко мне, доброй молодець!»

А приежжал тут гонець да ко красну крыльцю,

А вязал где коня да к золоту кольцю,

А сам вошел где во грынюшку столовую.

А стрецят ёго Омельфа да Тимофеёвна:

«Добро жаловать, й-удалой доброй молодець!

А куда ведь тут едешь да куда прависьсе?»

А говорил где гонець, да доброй молодець:

«А ежжу я ноньце до Вашей милости:

А ише князь тибя просил, да скоро требовал

А да со тем где Добрынюшкой Микитицём!»

А тут-де Омельфа да испугаласе,

А тут Тимофеёвна перепаласе.

А пошла где она во теплу спалёнку,

А будит где-ка Добрыню нонь от крепка сна,

А ише спит тут Добрынюшка крепко-накрепко,

А спит тут Добрыня да двои суточки,

А спит тут Добрыня — да не пробудицсэ.

А не могла розбудить ёго от крепка сна,

А заходила где сама она во светлу грыню,

А говорила молоцьцю да таковы слова:

«А уж ты ой еси, удалой доброй молодець!

А проходи-тко ты сам во теплу спалёнку,

А буди-тко Добрыню нонь от крепка сна!»

А они тут стали будить его всяко-навсяко.

А ише тут-де Омельфа да Тимофеёвна

Она пала ко Добрыни на белы груди,

Она стала ронить да горюци слёзы.

А ише пала слёза на лицё бело тут:

А ише звёл где Добрыня да оци ясные,

А поднял где Добрыня да буйну голову,

А ставал где Добрынюшка на резвы ноги.

А он увидит свою мать: да во слезах стоит,

А перед им-де стоит да доброй молодець;

А говорил-де Добрыня да таковы слова:

«А уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!

А да куда ты идешь, куда ты прависьсе?

А цего от миня тибя нонь надобно?»

А поклонилса тут ёму гонець, доброй молодець:

«А да послушай-ко, Добрынюша Микитиць млад!
А ише ежжу ведь я до Вашей милости:
А ише князь тебя да скорее требовал
А со той-де Омельфой да с Тимофеёвной!»
А умывалса тут Добрыня ключевой водой —
А он шитым полотеньцём да утираицьсе,
А во козловы-ти сапожки да обуваицьсе,
А-й ишше кунью-ту шубу одеваицьсе;
А ишше сам он говорит да таковы слова:
«А поедём мы с тобой, гонець, доброй молодець,
А ише мать моя, старуха, нонь пешком прыдёт».
А они сели как тут, добры молоцци,
А садились они на добрых коней —
А поехали ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру.
А приехал тут Добрыня да ко красну крыльцю —
А тот-де Владимир да стольнё-киевской
А скрывал-де околёнки немножечко,
А сам говорыл да таковы слова:
«А не прбвелик детинушка — оцень крепко толст,
А ише оци-то у Добрыни — да как у сокола,
А ише брови-то у Добрыни — да как у соболя,
А ресници у Добрыни — да два цисты бобра,
А ягодници будто ёго — маков цвет,
А лицо бело у Добрыни — да ровно белой снег!»
А зашол где Добрынюшка на красно крыльцо,
А проходя идё Добрыня да по новым сеням —
Отпираёт-де двери да с крюков на пяту.
Ише крест-от кладёт — да по-писаному,
А поклон-от ведёт — по-уцёному,
А нынь князю Владимиру целом тут бьёт:
«А уж ты здрастуй, князь Владимир да стольне-киевской!
А для цего меня зовёшь, для цёго требуёшь?»
А говорил тут Владимир да стольне-киевской:
«А послушай-ко, Добрыня свет Микитиць млад!
А тибе сколько, Добрынюша, отроду лет?» —
«А отроду-ту мне только двенаццэт лет,
А на триннаццато лето я ведь нынь пошол!» —
«А уж ты знаёшь, Добрыня, да ноньце грамоту?»»

А говорил тут Добрынюшка Микитиць млад:
«А я в уцилищи уцился да ровно пять тут лет,
А от учителя имею да я похвальней лист!»
А ише тут-де Добрынюшка Микитиць млад
А вымал где-ка листик из корманьцика,
А подаёт где-ка нонь князю Владимиру.
А ише брал-де Владимир да во белы руки,
А цитал где-ка листик, сам головой кацял:
«А послушай-ко, Добрынюшка, що я скажу;
На тибя есь, Добрыня, да ноньце жалоба;
А приходили ко мне да князя-бояра,
А на тебя где они да ноньце жаловались:
А ходишь гулять нонь ты на улицу,
А на дорогу где ты да на проежжую,
А заходил на дворы да всё на барьские
А на барьски на дворы, да всё на князевски,
А играл ты с детьми да нонь со барьскима
А с тема же детьми да с княженевскима —
А да избил ты детей да ноньце барских,
А барьских детей всё княженевских:
А руки-ти у их да ты повыставил,
А ноги-то у их да ты повыдерьгал,
А посерёдки где брал — тут живота лишил.
Отобрал где у их ты платье цветноё,
Платье цветно у их, да княженевскоё.
А приходили ко мне да князя-бояра,
Приносили на тебя да ноньце жалобу,
А велели тебя да ноньце выслать вон:
А не выйдёшь-де ты — дак они сами выйдут тут!»
А говорил тут Добрынюшка Микитиць млад:
«А послушай-ка, Владимир да стольне-киевьской,
А послушай ты, Владимир, да нонь, що я скажу.
А ходил я гулять да нонь на улицу,
А заходил я на дворы да нонь на барьские
А на барьски дворы на княженевские —
А играл я с детьми да княженевскима,
А с тема же с детьми да всё со барскима.
А во первой раз играл во рюхи нонь —
А избил я ведь их, да нонь измуцил нонь:

А ише та им игра да не пондравилась.
А играл я с има во карты-шахматы —
А отыграл я у их да платъё цветноё,
Платъё цветно у их, да князиневьскоё:
А они тут-де меня стали журить-бранить,
А бить-то меня палками шаровыма.
А ише-то я сносил им всё за шутку же!
А обносить стали меня рецьми нехорошима:
„А не оцьцёв как сын да ты не материн —
А ишше нет у тя оцца да настояшшого!” —
А та мне-ка шутка не пондравилась:
А уж руки-ти у их да нонь повыставил,
А уж ноги-ти у их да нонь повыдерьгал!»
А говорил тут Владимир да стольно-киевской:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
Да садись-ко ты, Добрынюшка, за дубовой стол!»
А было во ту пору, во то время
А пришла тут Омельфа да Тимофеёвна.
Да берёт ведь ей князь да за праву руку,
А садит ведь ей князь да за дубовой стол.
А тут-де Владимир угошшать их нонь стал,
А говорил где-ка Добрынюшки Микитицю:
«А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
А ты живи-тко у мя в дому придверьником,
А живи-тко у мя да воёводою,
А живи ты у мя хоть за лакея нонь,
А живи в городе ты управителём,
А живи ты, Добрыня, хошь казнацеём нонь!»
А говорил он Омельфы да Тимофеёвны:
«А ты оставь мне Добрыню да во служеньице!..»
А говорила Омельфа Тимофеёвна:
«А послушай-ко, Владимир да стольне-киевской!
А ишше хто меня, старуху, будёт поить-кормить?..»
Говорил тут Владимир да стольне-киевской:
«А кормить я Вас буду ноньце досыта,
А поить я Вас буду ноньце допьяна,
А золота тебе казна от меня не запёрта!»
А говорила тут Омельфа Тимофеёвна:
«А спусти ты Добрыню ко мне на три месеця!»

А отпускал-де Владимир тут стольне-киевьской,
Отпускал тут Владимир их ведь с радостью.
А поехали ко городу ко Цернигову
А к своёму-де двору тут ко широкому.
А ише тут Добрынюша Микитиць млад
А жил где-ка дома да ровно десеть дней,
А на одинацатой день тут всё гулять пошол.
А ёго тут ноньце родна сёстра,
А та как Марья да всё Микитисьня,
А говорила сама она таковы слова:
«А да послушай-ко, Добрыня, що ведь я скажу, —
А пойдёшь ты гулять да нонь на улицу
А по тому же по городу по Цернигову —
А не ходи ты во улицу во Игнатъевьску,
А во цясты пере(й)улки да во Демидовски,
А к той же к Марынки, да злой безбожници,
А к лютой-де Змеи да подколодьници!
А не гледи ты на ейны на окошецька:
А на окошецьках сидят у ей тут голубы,
А голубы сидят всё нонь кормлёные —
А не стрелей ты в околёнку в хрустальнюю:
А не застрелить тебе голуба кормлёного!»
А ише тут-де Добрынюшка Микитиць млад
А он ходил-де, гулял по всем-де нонь улицям —
А зашол он во улицу Игнатъевьску,
А во цясты переулки да во Демидовски,
А к той где г Марынки, да злой безбожници,
А лютой-де Змеи да подколодьници —
А да увидял он голубов кормлёные.
А натянул Добрынюшка тугой он лук,
А он стрелил в кошесьцято окошецько —
А изломал он околёнку хрустальнюю,
А не застрелил он голуба кормлёного:
А улетела стрела да нонь во грынюшку.
А пошол-де Добрыня да на красно крыльцё —
А ёго стретила Марынка да на новых сенях,
А овёрнула она его гнедым туром,
Отвела где ёго да во цисто полё,
А приказала ёму исть и рвать мураву-траву:

«А ходи-тко ты, Добрыня, да век тут повеки!»
А Добрынина была тут родна сестра,
А ишше та где как Марья да всё Микитисьня,
А да пошла-де к Маринки, злой безбожници,
А к лютой-де Змеи да подколодницы:
«А уж ты ой еси, Маринка, да зла безбожница,
А люта где Змея да подколодница!
А отдай ты мне-ка братилка родимого!
А не отдашь мне-ка братилка родимого,
А овёрну я, Маринка, да тибя сукою —
А псам-то тибя на потарзаньё,
А малым рибятам на пограеньё!
Оверну тебя кобылой подорожною —
А ходить по путям да по дорожецькам,
А собирать будёшь ты селеминоцьки!»
А тут же Маринка, зла безбожница,
Овёрнулась Маринушка лютой Змеей,
Полетела Маринка да во цисто полё,
А села-пала к туру она на правой рог,
А говорила сама она таковы слова:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодець,
А по имени Добрыня-свет Микитиць млад!
А будёшь ле, Добрыня, ты женитисе,
А возьмёшь ле, Добрыня, нонь меня взамуж?..
А если будёшь как ты ноньце женитисе,
А возьмёшь ле как тут да нонь меня взамуж —
Оверну я тебя да из гнеда тура,
А сделаю я тибя да добра молоцца!
А не будёшь как если ты женитисе,
А не возьмёшь если ты как нонь меня взамуж —
А вечно будёшь ходить да по цисту полю,
А шшипать будёшь, рвать да мураву-траву!»
А ишше тот где — Добрынюшка-свет Микитиць млад:
«А уж ты ой, Маринка, зла безбожница!
А буду я нонице женитисе,
А возьму я, Маринка, да нонь тибя взамуж!»
А овернула тут Маринка да нонь гнеда тура —
А сделала Маринка да доброго молоцца.
А ставал-де Добрыня да на резвы ноги,

А брал во белы руки саблю вострую —
Отрубил у Маринки да буйну голову,
А изрубил он Маринку да на мелки куски,
А розбросал он Маринку по цисту полю...
А тут-де Маринки да нонь славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище — от Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.